

А. Технически- административные причины возникновения

ГЛАВА I. Введение: необходимость организации

Невозможно помыслить демократию без организации. Для объяснения этого тезиса достаточно нескольких слов [26].

Класс, который выдвигает определенные требования к обществу и стремится воплотить в жизнь целый комплекс идеалов и порожденных им идеологий, возникающих из исполняемых этим классом экономических функций, нуждается в организации как на политическом, так и на экономическом уровне. Организация – единственное условие для возникновения общей воли. Организация, базирующаяся на принципе минимальных затрат усилий, – оружие, данное слабым в их борьбе против сильных, которое может быть использовано только в области солидаризирующихся интересов[27]. Социал-демократы – самая фанатичная партия организационного мышления. Они приводят аргументы, совпадающие с результатами научных исследований жизни политических партий: теория анархо-индивидуализма подвергается критике потому, что главная цель предпринимателей состоит лишь в том, чтобы внести разлад в ряды пролетариата.

В эпоху, пронизанную духом кооперативизма настолько, что даже миллионеры убеждены в необходимости согласованных действий и совместной работы, организация стала жизненным принципом рабочего класса, без которого тактические успехи какого бы то ни было рода a priori исключены. В такое время отказ рабочих принимать участие в общественной жизни своего класса становится по-настоящему опасным. Пролетарий культурно, физически, экономически, физиологически – слабейший член нашего общества[28]. Фактически тот, кто принадлежит к рабочему классу, оказывается брошенным на произвол судьбы перед деспотизмом сильнейших. Лишь когда пролетарии группируются и формируют четкую структуру внутри своей группы, они способны на политическое сопротивление и приобретают социальную значимость. Значимость рабочего класса заключается исключительно в его численности. Чтобы доказать свое численное превосходство, нужно провести подсчет, а для этого необходим порядок. Организационный

принцип, таким образом, должен рассматриваться как неотъемлемое условие социальной борьбы масс.

Однако политически необходимый организационный принцип, который избегает Сциллы неорганизованности масс, играющей на рук противнику, обнаруживает в себе все опасности Харибды. На самом деле организация – источник, в котором берут начало потоки консерватизма, чтобы впоследствии стать причиной разрушительных наводнений в долине демократии.

ГЛАВА II. Механическая и техническая неосуществимость прямого правления масс

Рейнский демократ Мориц Риттингхаузен предложил гениальную систему, пытаясь создать основу для прямого участия народа в законодательном процессе[29]. Все население следовало разделить на сектора приблизительно по 1000 человек в каждом, как это было на выборах в Пруссии в 1848 и 1849 годах. Каждый сектор должен собраться в определенном месте – в школе, ратуше или любом другом общественном помещении и избрать председателя. Каждому гражданину обеспечена свобода слова. Таким образом, разум каждого индивида должен пойти на пользу отечеству. По окончании обсуждения каждый объявляет свое решение. Председатель передает результаты главе администрации, который, в свою очередь, передает их вышестоящим инстанциям. Решающей оказывается воля большинства.

Законопроекты не предлагаются вовсе. Этот порядок не предполагает никаких других перспектив, кроме как возможность узнать, что в определенный день об определенной проблеме могут сказать представители всех избирательных секторов. А если конкретное число граждан требует принятия нового закона в связи с какой бы то ни было проблемой или требует пересмотра уже существующего закона, соответствующее министерство обязано в течение определенного срока призвать граждан воспользоваться своей суверенностью и самостоятельно сформулировать необходимый закон[30]. Закон становится естественным результатом дискуссии. Председатель открывает обсуждение главного вопроса. Затем переходят к обсуждению второстепенных проблем, после чего следует голосование. Принимается предложение, набравшее наибольшее количество голосов. После того как все данные о процессе голосования передаются в министерство, специальная комиссия составляет ясный и простой текст законопроекта, который не должен допускать множественных интерпретаций, как те законы, что принимают современные правительства: они как будто намеренно поощряют склонность юристов к двусмысленности, издевательски замечает Риттингхаузен.

Проект этой системы ясен и убедителен и на первый взгляд кажется, что он не может встретить никаких возражений при практическом применении. Однако практические

результаты не соответствовали ожиданиям автора.

Прямое самоуправление посредством коллективных народных решений – образец демократии – действительно ограничивает распространение принципов делегирования, однако не защищает от возникновения олигархической власти. Оно лишает правителя его должностного статуса, так как места функционеров теперь занимает масса, но масса как раз благодаря своим особым свойствам не столько находится под воздействием власти народных ораторов, сколько облегчает лидеру возможность манипулировать слушателями вопреки их воле. Ее устройство не предполагает исчерпывающего обсуждения или серьезных высказываний[31]. Массой управлять куда проще, чем небольшим кругом слушателей, так как одобрение с ее стороны куда более бурное, простое и беззаветное и она, поддавшись порывам, не допустит возражений со стороны меньшинства и уж тем более со стороны индивида. Большая масса людей, собравшаяся в одном месте, друг подле друга, весьма подвержена паническому страху, бессмысленному воодушевлению и т. д., куда больше, чем небольшая группа людей, способных на серьезный разговор[32]. Это эмпирический факт: огромные народные сборища, к которым относятся и некоторые партийные съезды, через возгласы одобрения или шумное голосование склонны принимать решения, которые были бы приняты с большой осторожностью, если бы эта толпа была разделена на небольшие группы по 50 человек. Толпа говорит и действует без малейших колебаний в отличие от составляющих ее людей, взятых по отдельности. Это неоспоримый факт, относящийся к патологии массы, который подробно описали французские и итальянские социологи [33]. В толпе растворяется индивидуальность, а вместе с ней личность и чувство ответственности[34].

Однако решающий аргумент против суверенитета масс заключается в его механической и технической неосуществимости.

Независимые массы не способны принимать даже самые необходимые решения самостоятельно. Несостоятельность прямой демократии, как и состоятельность непрямой, следует из численности. В споре с Прудоном (1849) Луи Блан задал вопрос: могут ли 34 миллиона человек (на тот момент это все население Франции) решить свои проблемы без того, без кого не может обойтись даже самый мелкий коммерсант, – без посредника? И сам же ответил: тот, кто ответит утвердительно, – сумасшедший, тот, кто ответит отрицательно, – вовсе не враг государства [35]. Тот же вопрос и тот же ответ актуальны для организации политических партий и сегодня. Особенно это касается крупных индустриальных центров, где рабочие партии подчас насчитывают сотни тысяч членов. Уже невозможно представить работу этого огромного организма без исполнительной системы. Социал-демократический Большой Берлин, включающий шесть избирательных округов Берлина, а также оба округа Нидербарним и Тельтов-Беесков-Шарлоттенбург, насчитывает около 90 тысяч зарегистрированных членов[36]. Очевидно, что на практике невозможно организовать столь огромную массу людей для прямого принятия постановлений. Регулярное проведение совещательных собраний численностью даже в 1 тысячу человек наткнулось бы на множество препятствий, среди которых проблемы с помещениями, дистанциями и т. д.; подобное собрание численностью в 10 тысяч человек и вовсе физически неосуществимо. Как можно собрать такую толпу людей в одном месте в определенное время, даже если допустить существование отличной системы коммуникации? К тому же от

естествоиспытателей нам известно, что сил оратора даже с самыми выдающимися голосовыми данными не хватит на аудиторию, превышающую 10 тысяч человек [37]. Прямое самоуправление в больших группах недостижимо и по административным причинам другого рода. Когда Жак обижает Пьера, все французы не могут прибежать сломя голову, чтобы увидеть все своими глазами и защитить Пьера[38]. Точно так же и в современных политических партиях общественность не может разрешить проблемы, возникшие в ее недрах.

Так возникает потребность в депутатах, выступающих от имени массы и призванных облегчить осуществление ее воли. Даже в тех группах, которые больше других вдохновлены духом демократии, все дела, подготовка и применение важнейших мер предоставлены кому-то одному.

Изначально руководитель был лишь слугой масс. В основе организации лежало равноправие всех участников этой системы. Это в первую очередь всеобщее равенство, равенство равных. В некоторых странах, например в идеалистической Италии (или в некоторых немногочисленных землях Германии, где политические движения еще находятся на начальном этапе развития), равенство выражается в том, что все члены организации обращаются друг к другу на «ты»; самый бедный поденщик говорит одаренному философу «ты», как равному. Но затем под равенством также стали понимать равенство однопартийцев. Все члены организации имеют на нее одинаковые права. Принципы демократического устройства партии гарантируют максимальному числу ее членов равную возможность участия и влияния на ход общего дела. Каждый может выбирать, каждый может быть избранным. Теоретически основной постулат прав человека реализован. Все назначения происходят путем выборов. Чиновникам отведена подчиненная роль органов принудительного исполнения воли масс, они находятся в постоянной зависимости от общественности и в любой момент могут быть отстранены или заменены. Рядовые члены партии обладают всей полнотой власти над своими руководителями.

Сначала преобладают попытки подчинить своих депутатов воле масс и держаться как можно ближе к чистой демократии. На заре движения итальянских сельскохозяйственных рабочих руководителю союза, чтобы быть избранным, необходимо было набрать четыре пятых от всех голосов. При дифференциации заработной платы на предприятии, перед тем как начать переговоры, представитель союза должен был озаботиться получением доверенности, на которой каждый из членов организации личной подписью подтверждал свое согласие с действиями депутата. В то же время список всех членов организации всегда находился в открытом доступе, по двум причинам: во-первых, чтобы среди масс не распространялось недоверие к руководству, «тот яд, что со временем подорвет самый сильный организм»; во-вторых, для того, чтобы члены организации могли научиться вести учет самостоятельно и в ходе совместной работы в профсоюзе получали знания, благодаря которым они позже смогут занять места руководителей организации [39]. Очевидно, что подобные правила демократии применимы лишь в очень маленьких группах. На заре английского профсоюзного движения в некоторых союзах депутаты избирались из списка членов организации в порядке прямой очередности или путем жеребьевки [40]. На более поздних этапах, когда количество задач увеличилось и требовалось все больше индивидуальных навыков, ораторских способностей и всевозможных профессиональных

знаний, стало невозможно руководствоваться слепой случайностью алфавитного списка или порядком старшинства для составления делегации, представители которой должны были обладать индивидуальными способностями, бывшими не у всех.

Необходимо отметить, что сегодня подобные методы грозят превратиться в свою противоположность. Развитие современных политических групп все больше свидетельствует о жесткой схематизации до сих пор остававшегося естественным процесса превращения из управляемого в управляющего. Все громче звучат запросы на официальную штамповку руководителей, крики о том, что необходимо принять меры по формированию группы профессиональных политиков, опытных и компетентных политических специалистов. Фердинанд Тённис ратует за введение партийных экзаменов для создания предвыборного списка кандидатов от социал-демократов, а также для выбора кандидатов на должность секретаря партии[41]. Генрих Херкнер идет еще дальше. Он задается вопросом, как члены больших профсоюзных организаций в долгосрочной перспективе способны найти общий язык с теми, кто ушел из профессии и продвигался по лестнице практической профсоюзной службы; при этом Херкнер упоминает и союзы работодателей, которые по большей части работают с кадрами, получившими высшее образование. Поэтому, по его мнению, в ближайшем будущем с обособленностью пролетариев будет покончено, а предпочтение будет отдано тем, кто получил образование в сферах народной экономики, юриспруденции, технологии или коммерции [42].

Уже сейчас кандидата на должность рабочего секретаря профсоюза подвергают испытаниям для того, чтобы определить его способности к ведению корреспонденции, а также степень его юридических знаний. Политические рабочие союзы тоже весьма озабочены тем, чтобы самостоятельно контролировать образование своих сотрудников. Повсюду возникают «питомники», которые в скором времени могут обеспечить политические организации «научно подкованными» работниками. В Берлине с 1906 года существует партийная школа, в которой организованы образовательные курсы для партийных и профсоюзных деятелей. Все частные расходы на содержание студентов этих полугодовых курсов, а также рабочие расходы самой школы берет на себя партия или профсоюз, направляющие студента на обучение. Кроме того, региональные или районные отделения партии выплачивают семьям слушателей этих курсов денежные компенсации в течение всего времени, пока их кормилец не может заниматься оплачиваемой работой. В третьем наборе школы, в период с 1 октября 1908 года по 3 апреля 1909 года, в общей сложности обучались 26 студентов (в первом – 31, во втором – 33). Предпочтение отдается кандидатам, которые уже состоят в партии или профсоюзе[43].

В Италии в 1905 году миланская социалистическая организация L'Umanitaria организовала Практическую школу социального законодательства, целью которой было обучение определенного количества рабочих, готовых занять вакантные места в государственной промышленной инспекции, профсоюзных организациях и картелях, рабочих страховых обществах или на биржах труда[44]. Процесс обучения занимает два года и завершается выпускным экзаменом и присуждением удостоверения о квалификации. В 1908 году школу посещали 202 ученика, из них 37 работников профсоюзов и кооперативов, 4 руководителя трудовых бирж, 45 рабочих свободных профессий и 112 рабочих[45]. В Турине в 1909 году по тому же образцу и для тех же целей местным профсоюзным картелем была организована

похожая школа (Практическая школа культуры и социального законодательства). В Англии профсоюзы и кооперативы пользовались услугами колледжа Рескина в Оксфорде, отправляя особо одаренных аспирантов в университет для подготовки к работе по профессии[46]. В Австрии партийные школы организованы по немецкому образцу. Однако нельзя упускать из виду, что все эти образовательные институты для партийных и профсоюзных работников призваны лишь искусственно увеличивать процент рабочей элиты и через создание касты кадетов из числа желающих управлять рядовыми членами профсоюзов, что в итоге лишь усиливает влияние руководящей власти внутри партий. Необходимая техническая специализация, в которой нуждается любая многочисленная организация, порождает потребность в так называемом профессиональном управлении, в результате все обязанности масс переходят исключительно к руководителю[47]. Партийные лидеры, которые были лишь исполнительным комитетом воли масс, становятся самостоятельнее и, как следствие, отделяются от массы.

Организация всегда подразумевает тенденции к олигархизации. В сути любой организации (будь то партии, профсоюза и т. д.) таится склонность к аристократии. В процессе создания прочной структуры механизм организации приводит к серьезным переменам в организованных массах. Он превращает отношение руководителя к массе в его полную противоположность. Организация окончательно разделяет любую партию или профсоюз на ведущее меньшинство и ведомое большинство.

Отмечено, что на низших ступенях развития человеческой культуры преобладает тирания. Демократия же возникает позднее, по мере достижения более развитых этапов социальной жизни. Свободы, то есть привилегии и возможность принимать участие в происходящем, доступны лишь немногим. Одна из особенностей Нового времени состоит в расширении этих привилегий для все более широкого круга людей. Это называется эрой демократии. Но в сфере партийной жизни демократия, продолжая развиваться, движется в обратную сторону. С развитием организаций демократия постепенно деформируется. Ее развитие можно изобразить в виде параболы. Сейчас, по крайней мере в партийной жизни, она находится в стадии убывания. Мы можем вывести правило: власть руководителя партии растет в той же степени, в которой расширяется партийная организация. Различные степени власти, которой обладают руководители партий или профсоюзов в разных странах, наряду с этническими и индивидуальными причинами по большей части зависят от уровня их организационного развития.

Партийная организация, до тех пор пока она имеет прочную структуру (не важно, идет речь о демократическом государстве, политической партии или рабочем профсоюзе), – это весьма благотворная среда для возникновения дифференциаций. Чем шире и разветвленнее становится управленческий аппарат, то есть чем больше членов вступают в организацию, чем быстрее пополняется казна и чем влиятельнее становятся органы печати, тем быстрее вытесняется власть народа, а на смену ей приходит неограниченная власть комитетов [48]. Повсюду распространяются непрямые выборы – тот тип выборов, против которого на уровне государственной жизни чаще всего ведется партийная борьба, несмотря на то что на тесный круг партийной жизни они оказывают куда более пагубное влияние, чем на широкие просторы государства. Даже на конгрессах, которые представляют собой десятикратно уменьшенную копию партии, обсуждение всех важных вопросов выносятся в кабинеты и

кулуары.

С развитием организации не только растет количество задач руководства, но и сокращается прозрачность его работы, круг обязанностей становится шире и многообразнее. Наряду с количеством качество выполнения задач также усиливает дифференциацию. Формально в соответствии с программой партии действия всех руководителей подчиняются неустанному надзору подчиненных. Но в реальности чем больше растет организация, тем иллюзорнее становится контроль. Рядовые члены партии все чаще вынуждены отказываться от участия в принятии решений, касающихся управления, или хотя бы контроля за их исполнением. Теперь они вынуждены поручать выполнение своих обязанностей нанятым для этих целей доверенным лицам, зарплатным функционерам, и довольствоваться обзорными докладами или рекомендациям ревизоров. Сфера демократического контроля становится все уже. Во всех социалистических партиях мы наблюдаем, как функции, которые прежде выполняли избираемые комиссии, теперь переходят к членам правления. Воздвигается сложная постройка с запутанной планировкой. Компетенции разделяются – применяется принцип разделения труда – и делятся снова. Возникает строго разграниченная бюрократическая система с множеством инстанций. Точное выполнение инстанциями своих обязанностей – пункт № 1 в катехизисе партийного порядка. Иерархия – следствие технических потребностей и важнейшее условие налаженной работы партийной машины[49].

В этом случае движение политической партии к олигархической бюрократии практически и технически необходимо, это неизбежное следствие организационного принципа. Даже радикальное крыло социал-демократической партии не может ничего поделать с этим вырождением. Таким образом, демократия – это всего лишь форма. Нельзя, однако, ставить форму выше содержания[50].

Институт управления существовал во все эпохи, на всех этапах развития и во всех видах человеческой деятельности. Никто не обходился без руководителя[51]. Сегодня можно услышать, особенно в ортодоксальном крыле социал-демократов, что у социал-демократии нет руководителя, в худшем случае лишь должностное лицо; конечно, это сокрытие истины не может изменить социальные законы, напротив, выдвигая это положение, они отвлекают внимание масс от реальной опасности, которая грозит демократии, и способствуют укреплению власти лидера.

По техническим и административным причинам крепкой организации необходимо сильное лидерство. До тех пор пока система расшатана, профессиональное лидерство не возникнет. У анархистов, испытывающих отвращение к любой устойчивой организации, нет штатных лидеров. На начальных этапах развития немецкой социал-демократии доверенное лицо (Vertrauensmann) занималось своей повседневной работой. Сегодня его все чаще заменяют профессиональные политики (Bezirksleiter – секретарь партии) и т. д. Чем жестче будет становиться структура организации с развитием современных партий, тем чаще случайных руководителей будут заменять профессионалы. Любому крупному партийному аппарату необходимо определенное количество людей, обслуживающих исключительно его. Массы делегируют управление небольшой группе, которая на доверительной основе представляет их интересы и занимается ведением дел.

Однако оформление профессионального лидерства знаменует собой начало конца демократии, поскольку система представительства логически невозможна как в случае парламентаризма, так и в случае партийных делегаций. Родоначальником этих критических взглядов на демократию можно считать Ж.-Ж. Руссо, который рассматривал народное правление (суверенитет) как осуществление общей воли и делал следующий вывод: «...суверенитет... не может никогда отчуждаться и... суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представляем только самим собою. Передаваться может власть, но никак не воля... Как только народ дает себе Представителей, он более не свободен; его более нет»[52]. Масса, которая делегирует свой суверенитет, то есть передает ее в руки нескольких человек, отрекается от своего суверенитета[53]. Воля народа не может быть передана кому-либо, подобно воле индивида. В смутные годы террора последователи «женевского гражданина» на практике перевернули его теорию с ног на голову, хотя теоретически она продолжала восприниматься ими как непреложная истина. Сам Робеспьер высказывался в ее поддержку, проводя тонкую грань между «представителем народа», не имеющим права на существование, так как «воля не может иметь представителя», и «поверенным народа, которому народ доверяет единоличную власть».

Опыт внимательного наблюдателя, изучавшего первые попытки применения представительной системы, помимо прочего помог уточнить и теорию пределов демократии. К середине прошлого века она была значительно дополнена, получила право считаться универсальной и, учитывая достижения эмпирической психологии, могла устанавливать определенные положения и нормы. Карло Пизакане, незаслуженно забытый теоретик итальянской национальной и общественной революции, в своих «Очерках о революции» (“Saggio sulla Rivoluzione”) описывал, как те, в чьих руках находится верховная политическая власть, по своей человеческой природе неизбежно подвержены страстям и потому физически и психически несовершенны. По этой причине вектор их политики и их политические решения естественным образом противоречат воле масс, которая представляет усредненное мнение индивидуальных взглядов, а потому должна оставаться свободной от любых влияний. Полагать, что правительство представляет общественное мнение и волю нации, – значит заменять *partem pro toto* [54]. «Делегирование абсурдно». Виктор Консидеран, современник и единомышленник Пизакане, шел по стопам Руссо: «Если народ делегирует свой суверенитет, он отказывается от него. Народ больше не управляет собой; им управляют... Давайте, делегируйте ваш суверенитет! И я гарантирую вам судьбу, обратную судьбе Сатурна [пожирающего своих детей]: ваш суверенитет будет поглощен вашей дочерью, Делегацией»[55]. Даже отец всеобщего французского избирательного права – выдающийся демократ Ледрю-Роллен пришел к убеждению, что необходимо устранить президентскую и парламентскую власть, а единственной допустимой формой проведения выборов должны стать народные собрания. Он объяснял это тем, что люди в течение года тратят так много драгоценного времени на праздники, выходные и безделье, что куда полезнее было бы потратить это время на «укрепление своей независимости, своего величия, своего достатка»[56]. Виктор Консидеран яростно критиковал теорию, согласно которой представительная система гарантирует народную независимость. Даже если допустить, что хотя бы в теории парламентаризм действительно тождествен власти масс, то на практике он все равно превратится в бесконечное мошенничество со стороны правящего класса. Поскольку корни и монархии, и демократии – в представительной

системе, главное различие между ними формальное, а не содержательное. Вместо одного царя суверенный народ выбирает множество мелких царьков. Он не способен свободно и самостоятельно воспользоваться своей властью и потому послушно позволяет лишиться себя своих основных гражданских прав. Единственное право, которое ему остается, – смехотворное право время от времени выбирать себе новых правителей [57]. Такое понимание представительной системы подкрепляется и политическими наблюдениями Прудона о том, что как только представители народа добиваются власти, они первым делом стремятся консолидировать и укрепить ее. Они предпринимают все новые и новые меры, чтобы сохранить свою власть, пока наконец не перестают полностью зависеть от народа. Это естественный путь развития любой власти: избранная народом, позже она возвышается над ним[58]. Эти идеи были особенно популярны в 40-е годы XIX века. Особенно глубоко ими прониклись французские продемократические социологи и политики. В начале XX века эта теория стала неотъемлемой частью самых разнообразных направлений анархизма и часто распространяется в весьма красноречивой и остроумной форме[59]. Даже Маркс и его последователи, которые в теории рассматривали парламентаризм как одно из множества своих орудий, но на практике пользовались только им, не могли не признать опасностей представительской системы, даже в том случае, если в ее основе было всеобщее избирательное право[60].

Эта проблема также была подробнейшим образом изучена итальянскими учеными консервативного толка. Моска писал о «фальши парламентской легенды». Он утверждал, что народное представительство, свободная и добровольная передача суверенности избирателей (большинства) некоторому числу избираемых (меньшинству), основывается на нелепом условии, согласно которому меньшинство накрепко связано с волей большинства[61]. На деле же, как только завершается процедура выборов, заканчивается и власть избирателей над депутатами. Делегат чувствует себя вправе управлять судьбами. Так и было. Если где-то в лоне масс еще и остались отдельные личности, оказывающие влияние на своих представителей, то это местные предводители, лидеры мнений в своем избирательном округе, а значит, и в местном отделении партии. Иными словами, эти люди, хотя и относились по своему социальному статусу к классу подчиненных, все равно составляют часть правящей олигархии[62].

Важно, чтобы критика представительной системы была услышана и воспринята именно сегодня, когда политическая жизнь с каждым днем приобретает все более сложную форму. В условиях современной дифференцированной политической и экономической жизни все более абсурдным выглядит желание представлять разнородную массу и множество ее проблем. Представлять – значит выдавать волю одного за всеобщую [63]. Это возможно в единичных случаях: при обсуждении четко сформулированных и простых вопросов и при условии непродолжительного срока действия депутатских полномочий. Продолжительное представительство всегда означает власть представителя над представляемым.

ГЛАВА III. Современная демократическая партия как

ВОИНСТВУЮЩАЯ ПАРТИЯ ВОЙНЫ

Людовик XIV великолепно понимал искусство управления, как никто другой до или после него, особенно в начале своего царствования, когда был молод. В своих мемуарах 1666 года он установил следующие важнейшие правила, предназначенные для всех руководящих ведомств и в особенности для военной администрации: «Решения должны быть быстрыми, дисциплина – строгой, командование – единым, подчинение – сиюминутным и беспрекословным»[64]. Перечисленные королем-солнцем требования к оперативности принятия решений, согласованности отдаваемых приказов и строгости дисциплины применимы и к современной политической жизни, участники которой находятся в состоянии потенциальной войны, *mutatis mutandis*.

Современная партия в политическом смысле – это боевая организация. В качестве таковой она должна подчиняться законам тактики. И первое правило этого закона – постоянная боеготовность (*Schlagfertigkeit*). Это осознавал еще основатель социалистической революционной партии Фердинанд Лассаль, когда выступал за то, что существующая в его союзе индивидуальная диктатура должна быть полностью оправдана в теории и непреложна на практике. Рядовые члены партии должны беспрекословно следовать за своим лидером, а весь союз должен стать молотом в руках своего президента. Это была политически необходимая заповедь. В первые годы нового, беспомощного рабочего движения это был единственный способ добиться внимания со стороны буржуазных партий. Централизация гарантировала оперативность принятия решений. Гарантировала и продолжает гарантировать. Большая организация уже сама по себе довольно неповоротлива. Даже если растолковывать массам лишь приблизительную суть насущных вопросов, которые требуют принятия быстрых решений, будет потрачено слишком много времени, а демократия в своей изначальной форме станет невозможной. В этом случае она обернется лишь чередой упущенных возможностей и бесконечным переносом решений, а политические партии утратят способность к совместной работе и необходимую политическую гибкость. Воинствующая партия, пусть она и ведет только одну маленькую войну, нуждается во внутренней иерархии. Без нее партия станет подобной аморфному племени аборигенов, армия которого терпит поражение от всего одного дисциплинированного батальона вымуштрованных европейских солдат.

Только определенная степень цезаризма гарантирует быструю передачу и своевременное выполнение приказов в ходе ежедневной борьбы. Голландский социалист ван Коль открыто заявляет, что введение принципов настоящей демократии возможно только после того, как борьба окончена. В ходе борьбы социалистическому правительству нужны авторитет и сила, достаточная, чтобы сохранить свою власть. Иногда необходим и деспотизм. Императиву стремительных действий подчиняется даже свобода. Повиновение масс воле немногих – одна из величайших добродетелей демократии. «Мы обещаем верой и правдой служить тем, кто призван вести нас, мы говорим им: вы, что удостоились чести быть избранными народом, покажите нам путь, а мы будем следовать за вами»[65]. Подобные слова раскрывают всю суть современных политических партий. В партии, к тому же политической, к тому же ведущей борьбу, демократия не предназначена для «внутреннего пользования». Любой политической организации необходимо лишь легкое вооружение, которое не будет

сковывать движений. Демократия совершенно несовместима с боеготовностью. Отсюда и враждебность к референдумам и прочим мерам на страже реального народовластия и необходимость партийной конституции, пусть и не всегда цезаристской, но в меру олигархической и централистской. Лагардель добавляет к этой картине последний штрих: «Для использования пролетариата они обращаются к капиталистическим инструментам господства; они построили такое же жесткое правительство рабочих, как буржуазное правительство, такую же неуклюжую бюрократию рабочих, как и буржуазная бюрократия, центральную власть, которая говорит рабочим, что они могут и что не могут делать, которая уничтожает всю независимость и инициативу членов профсоюза и которая иногда должна внушать ее жертвам тоску по капиталистической власти» [66].

Тесная связь воинствующей демократической партии с военной организацией отражена в социал-демократической терминологии, которая, особенно в Германии, в значительной степени заимствована из военной науки. В языке военной тактики или стратегии едва ли существуют выражения, которые не мелькали бы в передовицах газет социал-демократов[67]. Тот факт, что в ведении боя используется в основном тактика Фабиуса Кунктатора, а предпочтение отдается так называемой стратегии измора, объясняется особыми условиями, которые мы рассмотрим ниже. Еще одним доказательством тесной связи между устройством политической партии и военного ведомства служит страстный интерес некоторых верховных партийных руководителей социал-демократов к военным вопросам. Пристрастие лидеров социал-демократии к милитаризму действительно ошеломительно. Живущий в Англии коммерсант Энгельс, добровольно отслуживший год гвардейцем, в часы досуга развлекается тем, что занимается социалистической и военной теорией[68]. Сыну унтер-офицера Бебеля надо отдать должное за огромное количество новаторских военных идей, у которых нет ничего общего с теоретическим антимилитаризмом социалистов[69]. Бебеля и особенно Энгельса сейчас можно назвать военными писателями. Эта тенденция не случайна. Напротив, она коренится в избирательном средстве.

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:42:33

Зверобой обновил 19 января 2026 23:43:24